

(Начало на 5-й стр.)

расспросы до следующего раза. Пока же разумнее будет вернуться домой и как следует над всем поразмыслить. Если меня не разорвут на куски собаки и не разрежут на части китайцы Гевела, то, добравшись до постели, я проведу основательный анализ полученной информации.

Мне повезло: на обратном пути обошлось без новых ранений или потрясений. Всего на дорогу домой я затратил в общей сложности часа полтора, причем добрую половину этого времени — на первые пятьдесят метров от колючих заграждений.

Около пяти часов утра, поднимая шторы со стороны лагуны, я незаметно проскользнул в домик для гостей. Мари спала без задних ног, и будить ее необходимости не было: плохие новости могут и подождать. Я смыл с лица обувной крем в тазике с водой в углу комнаты, но на перевязку руки сил уже не хватило. Усталость была такой сильной, что я даже думать не мог. Об обратном пути по островам остались лишь смутные воспоминания. Даже боль в руке не помешала мне мгновенно заснуть. Да будь у меня хоть дюжина исколеченных рук, я все равно бы отключился, так как сил уже просто не осталось.

Глава VI

Четверг, 12.00 — Пятница, 1.30

Когда я пробудился, солнце стояло уже высоко. Поднятая шторка на северной стороне домика открывала бесподобный вид на голубые воды лагуны, ослепительно блестящие на солнце, белый песок на берегу и цепочку коралловых островков, переливающихся разноцветными красками. За темной полосой рифа сочно синела океанская гладь. Три другие шторы были опущены, так что освежающий сквознячок отсутствовал и в комнате под тростниковой крышей скопился удушливый жар. Зато я был скрыт от посторонних глаз. В левой руке хищным зверем сидела боль. Но признаков бешенства еще не ощущалось, значит, пока живем.

На стуле около кушетки сидела Мари, одетая в светлые шорты и кремовую блузку. Вид у нее был отдохнувший, на щеках алая румянец, заставивший мое сердце забиться сильнее. На губах девушки играла улыбка, увидев которую, я понял, что Мари решила на меня больше не сердиться. Она выглядела необыкновенно милой, совсем не такой, как в Лондоне. Я пошевелился:

— Прекрасно смотришься. Как самочувствие? — Не правда ли, оригинально? На другое я явно не способен.

— Слово заново на свет родилась. Температура в норме. Извини, что приходится прерывать твой сон, но нас через полчаса ждут на обед. По распоряжению профессора смастерили эти шутики, чтобы ты мог добраться до его дома. — Мари указала на пару отличных костылей, стоящих около стула. — Или, если хочешь, пообедаешь здесь. Судя по всему, ты здорово проголодался, но я решила не будить тебя на завтрак.

На этом «КО» прерывает публикацию «Темного крестоносца».

Однако подписчики нашей газеты, те из них, кто увлекся приключениями героев этого романа, смогут проследить их до конца.

Издательский центр
«Книжное обозрение — Пульс»
выпускает полностью книгу
в своей новой суперсерии
«Роман - в - карман».

Оптовые заказчики и читатели «КО»
могут оформить предварительную заявку
на необходимое количество экземпляров
«Темного крестоносца»,
направив заказ по адресу:
344007, г. Ростов-на-Дону, ул. Тургеневская,
39, к. 2—3; тел. (8-863-2) 62-56-59;
факс 863-2-66-48-72.

Издательский центр
«Книжное обозрение — Пульс»
суперсерия «Роман - в - карман»
«Темный крестоносец»

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ЗАЯВКА

1. Фамилия, имя, Отчество (полностью)
2. Домашний адрес с индексом
3. Количество экземпляров

Подробности о новой суперсерии
издательского центра
«Книжное обозрение — Пульс»
читайте в следующем номере «КО».

3 октября ведущая вечерних «Вестей» Светлана Сорокина отвела в выпуске немало места выступлению директора Российского государственного архива литературы и искусства Н.Б.Волковой, которая предостерегла общественность от похищений архива Пастернака из фондов РГАЛИ. В чем же состоит или может состоять это «похищение», которое замыслил, по словам Волковой, «французский гражданин Козовой, родственник последнего секретаря Пастернака»? Речь, оказывается, идет об архиве Ольги Ивинской, изъятом у нее некогда при обыске органами КГБ, а теперь подлежащем, по решению суда, возврату владельцу. Удивительно было следующее: акт о передаче конфискованных материалов в ЦГАЛИ на хранение, подписанный более тридцати лет назад следователем КГБ, который вел дело Ольги Ивинской и ее дочери Ирины, выдавался директором РГАЛИ за единственно законный документ, тогда как недавнее решение Московского городского суда, вынесенное в связи с реабилитацией О.В.Ивинской в 1988 г., было представлено в качестве какой-то «фильминой грамоты».

Этот сюжет, как выяснилось, был передан С.Сорокиной из программы «Совершенно секретно». Секретов тут, видимо, и впрямь немало, поскольку продолжение последовало весьма оперативно! 7 октября газета «Московский комсомолец» поместила пространный материал, в котором изрядно досталось уже самой Ольге Ивинской, а ее зять Вадим Козовой, известный поэт, ученый и правозащитник (автор, между прочим, большой работы о Пастернаке), объявлялся «шустрым добытчиком», «котыскавшимся наследником» и просто «неким» французским проходимцем. Чем-то давним-недавним, до боли знакомым повело от этой публикации... В конце ее стояли слова «позволившего в ЦГАЛИ» Никиты Михалкова: «Если Козовой придет с ОМОНОм, я пришлю охрану для защиты ценностей России».

Поскольку РГАЛИ, как он имел на то по закону право, добился в Прокуратуре временного приостановления исполнения судебного решения, мы не станем излагать историю дела и комментировать ее с юридической или иной точки зрения. Комитет по правам человека ВС России уже выразил протест редакции «Московского комсомольца» по поводу его публикации. Мы же считаем себя вправе предоставить слово Вадиму Козовому, который обратился в редакцию «МК» с открытым письмом. На наш взгляд, вольная и невольная защита (со стороны «МК») нарушений прав человека (в данном случае О.В.Ивинской) столь же опасна, как и нашествие «памятников».

РАЗБОЙ
ИЗ ПРОШЛОГО

Редакции «Московского комсомольца»
Господа!

В номере Вашей газеты от 7 октября появился клеветнический текст об архиве Ольги Ивинской (с пастернаковскими материалами), оскорбляющий ее и мое достоинство, издающийся над законом и его представителями. Подписанный некоей Дардыкиной, которая бесцеремонно извращает факты, оскорбительный и для памяти Б.Л.Пастернака, он состряпан в худших традициях ленинско-сталинской пропагандистской печати. В этой публикации, явно инспирированной, а отчасти и наговоренной Н.Б.Волковой, директором РГАЛИ, привыкшей в новую эпоху к сотрудничеству и покровительству тех, кто снабжал ее конфискованными материалами, нет ни слова правды — одна лишь бредовая ложь. Достаточно сказать, что пьеса Пастернака «Слепая красавица» названа «Спящей красавицей», а родившийся в 1938 году сын Пастернака Леонид объявлен погибшим на фронте. Неужели об этом сообщила его вдова Наталья Анисимовна, оказывается, милостиво (но строго) «одарившая» О.В.Ивинскую?

Ольга Всеволодовна Ивинская, любимейший и преданнейший друг Пастернака (у которого, кстати сказать, никогда не было никаких «секретарей»), его «единственная собеседница» (цитирую Пастернака), дважды отсидевшая в лагерях, вряд ли станет оправдываться перед очерковыми клеветниками; ее воспоминания о поэте (недавно переизданные в России центром «Детям Чернобыля») читали тысячи людей. Мне, всю мою молодость — шесть лет — отсидевшему в лагерях, никогда не уступавшему тоталитарному режиму, мне, российскому — к Вашему сведению! — гражданину, немало сделавшему для русской культуры и, решусь сказать, для русского слова, не в чем отчитываться перед госпожой Волковой, ее присынами и той Дардыкиной, которая посмела называть меня «неким» (а впрочем, спасибо ей: все мы на этом свете некие).

Да будет Вам известно: 1) что в данном случае я выступаю лишь как представитель О.В.Ивинской и всей нашей семьи; 2) что «гэбисты-шестидесятники», как выражается умильная Дардыкина, нисколько не сомневались в том, кому принадлежит изъятый у Ольги Ивинской архив, поскольку вернули огромную его часть моей жене, только что вернувшейся из лагеря (этими материалами

пользовался сын поэта Евгений Борисович, впоследствии я их сдал в Музей дружбы народов); 3) что суд (в мое отсутствие) принял 10 июля свое решение лишь после многомесячных объяснений Ольги Ивинской с госпожой Волковой, которая, отнюдь не оспаривая, ни устно, ни в письмах, прав Ольги Всеволодовны на архив, возвратит его отказалась; 4) что суд поступил по закону: неправедно конфискованное и приобретенное к делу в качестве вещественного доказательства должно быть возвращено реабилитированному, кем бы он ни был; 5) что исполнительный лист был выписан судом 30 сентября не «совершенно неожиданно», а после двукратного отказа Н.Б.Волковой, ссылающейся на свое начальство в Госкомархиве, исполнить решение суда; 6) и что, наконец, — это имеет прямое отношение к делу, — государственный бандитизм и полнейшее неразличение собственности частной и «общенародной» уже обречены, право собственности отныне станет в России — должно стать! — священным, а независимый суд и правозащитность будут, в конце концов, уважаться, нравятся это кому-нибудь или нет. Этому ли Вы хотите помешать, разжигая дикие страсти?

Знайте также, что дирекцию РГАЛИ на «судебное разбирательство» (без ответчика) приглашать не должны были: речь шла только о возвращении Ольге Ивинской того, что ей принадлежит. Неужели госпожа Волкова, вдова известного коллекционера Ильи Зильберштейна, не знает, что и при Сталине частные собрания и личные коллекции формально охранялись законом? Я в ее наивности сомневаюсь, но привычка по-феодалному распоряжаться и властвовать, по-видимому, не умирается с правовым сознанием. Тогда, может быть, нынешнее законодательство должно переосмыслить конфискационную практику бывшего КГБ и, воодушевшись новой популистской демагогией, лишить права собственности всех, у кого дома хранятся рукописи Фета, Белого или Хлебникова? Или, быть может, предпишет сперва изъять их в пользу ближних и дальних родственников, свойственников и потомков? Пока этого не произошло (Россия, слава Богу, существует теперь не в закрытом юридическом пространстве и подчиняется признанным международным нормам), очевидно, что госпожа Волкова упорствует в незаконном присвоении чужого имущества, продолжая славное деяние КГБ 1960 года, его расправу над Ольгой Ивинской и ее дочерью Ири-

ной. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, как отнесся бы ко всему этому Борис Пастернак, чьим именем нынче клянутся все те новые и старые сановники, перед которыми О.В.Ивинская виновата лишь в том, что была ограблена. Любые домыслы перед этим фактом бессильны.

Добавлю, что госпожа Волкова, развернувшая (начав с телевидения) кампанию клеветы, десятилетиями держит под спудом пастернаковский архив (и не только его) отчасти, может быть, и потому, что получила его как архив чужой и секретный, тогда как я, «некий Козовой», объект этой целенаправленной клеветы, в 1981 г. застрявший во Франции не по своей воле, четыре года насильно разлученный с семьей, теперь ведущий научный сотрудник Национального центра научных исследований (Париж, Институт славяноведения), с 1974 года член французского ПЕН-клуба (много ли нас там тогда было?), автор книги поэтических, переведившихся на европейские языки, собранных в недавно изданном московском томе («Прогресс»), а также работ переводческих, литературоведческих, философско-исторических, опубликовал или готовлю к публикации, во Франции и в России, неизданные тексты Б.Пастернака, М.Цветаевой, Н.Трубецкого, А.Ремизова, С.Прокофьева, И.Стравинского. Кто-то, может быть, вспомнит и о моей помощи российским издательствам в рамках программы французского МИДа? Как говорили римляне, понимающий поймет.

Сколько же можно лгать? Есть ли предел бесчестию в моей несчастной, пострадавшей России? В этой истории — в ней ли только — предела ему нет. И если никто не пошевелит пальцем, то что же со всеми нами будет?

Пусть же выскажется закон. Хочу надеяться, что, как бы на юридические и судебные инстанции ни давили (для того и предпринята штая белыми нитками кампания), теперь им виднее. А что касается журналистки, занимающейся — в нынешних-то условиях! — истерическим подстрекательством, она позорит и марает лишь самое себя.

Предлагаю редакции принести извинения О.В.Ивинской и мне, я оставляю за собой право обратиться в суд, который, не сомневаюсь, по достоинству оценит как неуважительное (мягко выражаясь) отношение к себе, так и клевету и оскорбления в наш адрес.

Вадим Козовой.

Москва,
8 октября 1992 г.